

Георгий Бриц (Sagittarius) У приоткрытой двери Оккультные рассказы

У приоткрытой двери

На палубе большого океанского парохода, совершавшего рейсы между портами Англии и Японии, сидел в складном кресле пожилой мужчина; сказать вернее, старик. Это был отставной майор индийской армии Реджинальд О'Нэйль.

Пароход только что покинул порт Александрии, где село довольно много пассажиров.

О'Нэйль сначала внимательно наблюдал за новоприбывшими, затем, должно быть, не заметив ни одного знакомого лица, взял лежавшую на коленях книгу и углубился в чтение.

Прошло с полчаса. Голова читавшего поникла, книга выскользнула из его рук и сам он, по-видимому, задремал.

Было ли в позе спящего что-нибудь наводившее на мысль о возможности внезапного заболевания или, попросту, уважение к преклонному возрасту сыграло здесь роль, но проходившая мимо, в сопровождении пожилых господина и дамы, миловидная барышня нагнулась,

подняла книгу и, взглянув внимательно на спавшего, положила ее около него.

Движение это разбудило последнего; он быстро вскинул глаза, затем вдруг порывисто вскочил и, вместо слов благодарности, из уст его вырвался полуподавленный возглас: — Мэри!

Смущенная и полная изумления девушка, не зная, что сказать, пролепетала: — Даусон; это была ее фамилия.

На лицо О'Нэйля легла тень глубокого разочарования.

Овладев собою, он тотчас же извинился в своем странном поведении и церемонно назвал себя, обращаясь также и к бывшим свидетелями всей сцены родителям барышни.

Так, далеко не по правилам этикета, состоялось знакомство Реджинальда О'Нэйля с семьей Даусон.

Глава последней оказался крупным негоциантом, имевшим контору в Токио.

Во время завязавшегося разговора майор не спускал тревожно-пытливого взгляда с мисс Мэри и, вообще, заметно было, что ему как-то не по себе.

Мы легко пойдем причину такого его состояния, если перевернем вспять в книге времени четыре десятка страниц, по 365 строк каждая.

Там отчетливо можно прочесть, как молодой Реджинальд О'Нэйль переживал радости и печали

своего первого и единственного романа.

Нет, были одни только радости и только одна, зато неутолимая, печаль — безвременная смерть любимой и любившей.

Как сладостно по днесь звучат для Реджинальда О'Нэйля эти два слова — Мэри Фивершэм!

Милосердное время, все посыпающее пеплом забвения, не смогло вытравить из его сердца воспоминания невозвратимой утраты, а его память заботливо сохранила черты, весь облик дорогой отошедшей.

И вот теперь, сегодня, ровно сорок лет спустя, на закате своих дней О'Нэйль встретил ту, которая ведь не могла быть «той».

Все как у «той» до совершенного тожества, и никакая сила в мире не заставит О'Нэйля признать, что он ошибся.

Ему ли не заметить повторенности черт дорогого лица, ему ли не вздрогнуть при звуке этого нежного, столь знакомого голоса и не воскликнуть трепетно — о, Мэри, это ты!

Но, Боже правый, ведь Мэри Даусон, не Мэри Фивершэм!

Преисполненный таких мыслей, О'Нэйль спустился в свою каюту.

Еще будучи в Индии, он неоднократно сталкивался с доктриной о реинкарнации —

перевоплощении и она постоянно его интересовала.

Так не должен ли он считать, что на его глазах состоялось второе пришествие в этот мир и в прежней телесной оболочке его Мэри?

Мисс Даусон было на вид лет восемнадцать и простой подсчет показывал теоретическую возможность такого предположения; Мэри Фивершэм, спустя 22 года после смерти, могла родиться в семье Даусон и имела бы теперь как раз восемнадцать лет.

Мысли О'Нэйля приняли другое направление. Ведь бывают же необычайные сходства и, быть может, как раз такой случай имеет место теперь.

Но все в нем возмущалось против этого предположения.

Внезапно его осенила новая мысль.

Старый тюфяк! Ведь он, в сущности, еще ничего не сделал, чтобы убедиться, какая Мэри перед ним.

Возбужденный, он вышел на палубу и стал прогуливаться, очевидно, придумывая план действий.

Встреча с Даусонами состоялась за табль-д'отом. Когда обед кончился, О'Нэйль обратился к мистеру Даусону с предложением сыграть партию в шахматы.

Тот охотно согласился, прибавив, что и его дочь также недурная шахматистка.

Началась игра; мисс Мэри, стоя за спиной отца, внимательно следила за ходом партии.

О'Нэйль был незаурядным игроком и, надо полагать, без труда победил бы весьма посредственно игравшего Даусона.

Но не выигрыш его интересовал.

Он искусно маневрировал с таким расчетом, чтобы, не давая поводов заподозрить истинное намерение, поставить свою королеву в безвыходное положение. К большому удовольствию увлеченного благоприятным для него развитием партии Даусона, майор достиг желаемого.

В это время раздался голос Мэри:

— Ваше положение было бы все же прочным, но вы рискуете потерять королеву, вернее, вы уже ее потеряли, мистер О'Нэйль.

Это тихо произнесенное замечание прозвучало для Реджинальда О'Нэйля как громовой раскат.

Он с изумительной для его лет легкостью вскочил с места; все его поведение изобличало крайнюю степень возбуждения, а в устремленных на девушку глазах, расширенных и блистающих как звезды, сияла безграничная радость.

Вдруг О'Нэйль слегка вскрикнул, покачнулся и, вовремя подхваченный Даусоном и Мэри, без чувств, мертвенно бледный упал в кресло.

Очнулся он в своей каюте, окруженный

Даусонами и корабельным врачом.

Ему стало ясно, что с ним случился обморок.

Восстановив быстро все в памяти, он произнес несколько извинительных слов; затем, обращаясь исключительно к мисс Даусон, он тихо уронил:

— Однако, я бесконечно счастлив, что все это произошло.

В вопрошающих глазах О'Нэйля светилась при этом неизъяснимая нежность.

На лице девушки отразилось недоумение, мгновенно, однако, подавленное и она ответила какой-то общей фразой, как отвечают больному, еще не вполне пришедшему в себя.

И больше ничего, и больше ничего, ни малейшего признака взаимного понимания!

Великое разочарование охватило О'Нэйля.

Устало поблагодарив присутствующих, он попросил оставить его одного.

Да, он получил веское доказательство; большее, чем мог ожидать.

Разве смел он надеяться, допуская тожество Мэри Даусон и Мэри Фивершэм, что обязательно повторится сцена, происшедшая сорок лет тому назад и будут произнесены — точка в точку те же слова, когда на шахматной доске обозначится угроза королеве.

Все повторилось! Чего же больше?!

Увы! Прошлое воплотилось, но без

осознанной памяти о своем содержании.

Только что происшедшее в каюте было тому доказательством.

Да, обе Мэри одно и то же. Те же физические данные, тот же ритм отзвуков на все совершающееся; но Мэри прошедшего и Мэри настоящего, по крайней мере здесь на земле, себя не знают, не помнят.

Следующий день принес дальнейшие подтверждения печальной истины.

Выяснилось также, что в странном поведении О'Нэйля были усмотрены признаки ненормальности.

Какой конец знаменательнейшей из встреч его жизни!

Тяжелое потрясение пережил Реджинальд О'Нэйль. Но это был мужественный человек; уравновесив себя насколько хватило сил, он принял окончательное решение.

Длитель муку такого общения с «его» и не «его» Мэри он более не считал возможным.

В ближайшем же порту О'Нэйль сошел на берег.

Прощаясь с семьей Даусон, он, однако, обратился с просьбой к мисс Мэри писать к нему раз в год, сообщая, хотя бы наиболее кратко, о важнейших событиях ее жизни.

Как ни неуместной казалась эта просьба, но

она была так трогательно, с упоминанием вскользь о необычайном сходстве, изложена, что обещание было дано.

Положение смягчалось, очевидно, почтенным возрастом О'Нэйля.

Расставаясь, чета Даусон пригласила майора проведать их при случае в Токио.

Но ни переписка, ни посещение никогда не состоялись.

В числе жертв недавнего грандиозного землетрясения в Токио оказалась и семья Даусон.

Таким образом, Реджинальду О'Нэйлю, во исполнение каких-то таинственных предначертаний, а, быть может, за его безграничную верность памяти возлюбленной, дано было видеть ее дважды юной — тогда и теперь, сорок лет спустя.

Он смог заглянуть в просвет, лишь на короткое время, приоткрытой двери.

Под знаком 18-ти

Арчибальд!

$18 = 2 + 16$ и $18 = 16 + 2$

запомни это.

Вильям.

Такое необычайное воззвание появилось однажды, на видном месте, в рубрике объявлений одного из лондонских еженедельников.

Оно было повторено там же через неделю с прибавлением фразы: «Нога твоя едва ли поправится».

Читатели еженедельника недоумевали; нашлись среди них и такие, которые сочли помещение подобных анонсов неуместным для серьезного журнала.

Случай этот не замедлил бы забыться, если бы в очередном номере еженедельника не появился отклик таинственного Арчибальда на два обращения к нему столь же замаскированного Вильяма.

Отклик этот обнаружил, что за странной перепиской скрывалось нечто, имевшее отображение в действительной жизни; в нем заключалось обещание дать исчерпывающий ответ через неделю.

Очень многие стали ждать с возродившимся интересом выхода следующего номера еженедельника, хотя у иных и возникало предположение, что, быть может, это всего лишь один из приемов рекламы.

Ответ Арчибальда появился своевременно, но не удовлетворил никого.

Смысл странной по форме и содержанию

переписки остался по-прежнему неразъясненным; отпало лишь предположение о рекламе.

Вот что ответил Арчибальд.

Вильям!

Я наказан.

Но $18 = 4 + 14$ также; в этом мое оправдание.

Тем не менее, я не желаю с тобой встречаться.

Прощай.

Арчибальд.

Так представлялось дело с внешней стороны.

Чтобы дать себе отчет, что же именно произошло, нам придется сделать экскурсию в прошлое, к тем временам, когда Арчибальд Гаукинс и Вильям Блессиг были значительно моложе, встречались часто и почитали себя взаимно друзьями.

Их первое знакомство совпало с тем периодом, когда печатная пропаганда оккультизма ¹, предпринятая преимущественно

¹ ...печатная пропаганда оккультизма, предпринятая преимущественно французскими последователями Розенкрейцества — Речь идет о т. наз. «оккультном возрождении» второй половины XIX — начала XX в., для которого (особенно, но и не только во Франции) была

французскими последователями Розенкрейцерства, стала приносить свои плоды.

Оба молодые люди оказались в числе пилигримов к храму Изида, но каждый на свой манер.

Гаукинса увлекали перспективы реализационной власти, приобретаемой адептом; Блессиг, наоборот, пылко устремился к величавым обобщениям эзотерической традиции.

В юные годы легко сближаются и молодые люди вскоре подружились.

Прошло несколько лет.

Вдруг, совершенно неожиданно, упало между ними яблоко раздора — румяное и нежное, носившее поэтическое имя Мьюриэль.

Цветы дружбы стали вянуть и наконец осыпались в тот момент, когда на формальное со стороны Гаукинса предложение руки и сердца упомянутая Мьюриэль ответила отказом, пояснив, что вот уже несколько дней, как она невеста Вильяма Блессига.

Ответ этот сопровождался скольльзящим взглядом по невзрачной фигуре отвергнутого влюбленного.

характерна чрезвычайная хвастливость и литературная плодовитость многих «адептов».

Прошли года, но Гаукинс не забыл этого взгляда, не забыл и того, что особого внимания удостоились его необычайно нескладные ноги.

Бывшие друзья перестали встречаться.

Гаукинс не возненавидел Блессига, но сохранил навсегда по отношению к нему неприязненное чувство, укоренившееся глубоко.

Навязчивые мысли, равно прочно засевшие чувства имеют гораздо более, чем принято думать, шансов воплотиться, облечься в реальные формы.

Случилось так, что Гаукинс, по-прежнему преданный оккультизму, задумал произвести опыт одного из магических воздействий — опыт энвольтования².

Легко догадаться, что при подыскании объекта для эксперимента выплыла и утвердилась незыблемо кандидатура Блессига — того хотело прошлое.

Не будем чрезмерно осуждать Гаукинса; замысел его не был так черен, как это может показаться с первого взгляда.

² ...опыт энвольтования — В расхожем оккультизме начала XX в. энвольтование (от *лат.* *involver* — «нападать», «завладевать») — насильственное воздействие на астральное и физическое тело объекта атаки, обычно с помощью принадлежащего ему предмета, частиц тела, телесный выделений и т. п. (т. наз. «вольт»).

Он не задался целью изжить со света бывшего своего друга или привить ему что-нибудь слишком мучительное; нет, всего лишь только одна из ног Блессига должна была быть слегка уязвлена.

Гаукинсу недоставало чего-нибудь от особы Блессига, чего-нибудь, что бы способствовало установлению магической связи между оператором и личностью энвольтуемого.

Случай, этот покровитель добрых и злых, пришел к нему на помощь.

Бывшие друзья встретились в парикмахерской.

Блессиг сидел в кресле — его стригли, а Гаукинсу, только что вошедшему, пришлось ждать очереди.

Они вежливо, но сухо поздоровались.

Затем произошло следующее. Гаукинс, стоявший около кресла Блессига, уронил платок, нагнулся, поднял его и поспешно спрятал в карман; но можно было видеть и это заметил Блессиг, что в платке была зажата прядь его, Блессига, волос; он не придавал этому значения, счел простой случайностью; кроме того, он не желал вступать в беседу с Гаукинсом.

Однако Блессиг ошибся; здесь не было места случайности.

Дабы удостовериться в этом, двинемся за Гаукинсом в его квартиру, минуем ее официальную

часть и проникнем вместе с ним в ту из комнат, куда он никого не впускал. Обстановка этой последней, на первый взгляд, напоминала несколько лабораторию.

На двух больших столах стояло изрядное количество склянок, наполненных и пустых, виднелись колбы, реторты. На стенах, вперемешку с пучками сухих растений и всякой всячиной, развешаны были символические рисунки, чертежи, различные пантакли. В простенке двух окон висела полка с некоторым количеством книг, посвященных исключительно магии; это были, главным образом, так называемые гримуары — сборники магических рецептов, формул и указаний по церемониальной магии. Немного мебели, перегонный куб, массивный серебряный семисвечник, курильница и стоявшая в одном из углов магическая шпага дополняли убранство комнаты.

Здесь Гаукинс был у себя, для себя и самим собою.

Войдя в комнату, он прежде, всего переоделся в домашнее платье, затем вынул из шкафчика небольшую восковую фигурку и стал ее внимательно сравнивать с фотографией какого-то мужчины; нечего и говорить, что это была фотография Вильяма Блессига.

Потом Гаукинс зажег спиртовку, подогрел несколько голову фигурки и тщательно, волос за

волосом, приклеил к ней прядь с головы Блессига, похищенную в парикмахерской.

Покончив с этой работой, оператор впал в некоторое раздумье; ясно было, что он становился на путь черной магии, становился в первый раз.

Но раздумье миновало, решение было принято окончательно.

Восковой кукле суждено было сделать свое дело — послужить мостом от активного в волевом отношении Гаукинса к предполагавшемуся пассивным Блессигу.

Однако Гаукинс все как-то медлил с доведением вольты до конца.

А между тем, случилось то, чего он совершенно не предполагал. Непрерывно посылаемый им по направлению к Блессигу инфлюкс, хотя и слабого еще напряжения, все же достиг последнего.

Надо заметить, что теоретические занятия Блессига в области оккультизма, сопровождавшиеся постоянно медитацией, отразились благоприятно на развитии его духовных сил; поле зрения его значительно расширилось, возросла также и его природная сенситивность.

Почувствовав однажды, что какие-то токи извне ударяют в него, Блессиг смог отчасти прозреть приготовления к направляемому на него вольту и уяснить себе также, что это дело рук

Гаукинса.

Припомнилась ему и сцена с волосами в парикмахерской.

Взвесив все это, он, уже не задумываясь, послал предостережение Гаукинсу своим первым объявлением в еженедельнике; непосредственное обращение к Гаукинсу он справедливо счел за нецелесообразное.

Когда на глаза Гаукинса, постоянно читавшего этот еженедельник, попало упомянутое объявление, он пережил неприятные минуты.

Хотя ему и неизвестно было арифмологическое значение помещенных там формул, но он почти не сомневался, что объявление было обращено к нему и имело связь с предпринятой им магической операцией.

Взволнованный, он решил поспешить с завершением вольта.

Вольт состоялся, но насторожившейся, более мощный притом психически, занятый, кроме того, серьезно в высшей, нежели Гаукинс, области достижений, Блессиг легко — почти автоматически — парировал вольт.

Согласно почитаемомуся непреложным в магии закону, вольт, не воспринятый тем, на кого он был направлен и не переназначенный предусмотрительно на какой-нибудь третий объект,

обратился на самого оператора и Гаукинс стал жертвой так называемого «возвратного удара»; постоянный спазм, затвердение в икре ноги, которым он хотел наградить Блессига, передалось ему самому.

Неудачливый маг был добит окончательно, когда следующий номер еженедельника принес ему подтверждение, что еще раз в жизни он был побежден тем же соперником.

Однако энергичная натура Гаукинса не позволила ему долго сидеть сложа руки, а уязвленное самолюбие продиктовало обещание дать ответ Блессигу; обещание, о котором уже упоминалось.

Следующим делом Гаукинса была расшифровка того, что скрывалось под цифрами, фигурировавшими в объявлениях Блессига.

Ему удалось, наконец, в одном специальном сочинении найти ключ.

Тогда он понял, что уравнением $18 = 2 + 16$ Блессиг напоминал, что ему ясен замысел Гаукинса, а формула вторая как бы предостерегала, что орудие обоюдоостро.

Гаукинс нашел некоторое утешение в возможности такого разложения 18-ти, при котором опасность в физическом плане (18) делается необходимой ввиду значения слагаемых ($4 + 14$); об этом он и сообщил Блессигу в своем отклике.